

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БИОФИЛОСОФИЯ: ВЫЗОВЫ НОВОЙ ОНТОЛОГИИ ЖИЗНИ

А.А. Бекбоев¹, д-р филос. наук, профессор, заведующий сектором

А.Т. Жайлообаева², канд. филос. наук, доцент, директор

¹Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики

²Центр тестирования и развития клинических навыков Кыргызской государственной медицинской академии имени И.К. Ахунбаева

^{1,2}(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-6-14

Аннотация. В статье рассматриваются онтологические и этические вызовы, которые искусственный интеллект предъявляет современной биофилософии. Показано, что развитие автономных алгоритмических систем трансформирует традиционные представления о жизни, субъектности и ответственности. Анализируется размывание классических оппозиций «живое/неживое», «природное/искусственное», «человек/машина» в условиях технологической эмерджентности. Обосновывается необходимость перехода от субстанционального понимания жизни к процессуально-организационной модели, в рамках которой искусственные системы демонстрируют функциональные свойства, ранее приписываемые исключительно биологическим организмам. Рассматривается проблема техноонтологии субъекта, включая различие между экзистенциальной и функциональной субъектностью. Особое внимание уделяется этическому измерению алгоритмических решений, принципу ответственности и проблеме непрозрачности («чёрного ящика»). Делается вывод о формировании новой дисциплинарной области – технобиоэтики, ориентированной на междисциплинарное осмысление взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Будущее биофилософии определяется как философия сосуществования, способная интегрировать биологические, гибридные и технологические формы организации жизни.

Ключевые слова: искусственный интеллект; биофилософия; онтология жизни; техноонтология субъекта; функциональная субъектность; постчеловеческая идентичность; алгоритмическая рациональность; ответственность; технобиоэтика; непрозрачность алгоритмов; эмерджентность; гибридные формы жизни.

Развитие искусственного интеллекта в XXI веке стало одним из ключевых и системообразующих процессов современной цивилизации. Его значение выходит далеко за пределы технологической модернизации и цифровой автоматизации социальных институтов. Искусственный интеллект трансформирует структуру человеческого опыта, меняет способы производства и интерпретации знания, переопределяет границы ответственности и затрагивает фундаментальные основания философской антропологии и биофилософии.

Если в индустриальную эпоху техника выступала преимущественно как средство усиления физических возможностей человека, а в информационную эпоху – как инструмент обработки и передачи данных, то в условиях алгоритмической рациональности искусствен-

ный интеллект начинает участвовать в когнитивных, интерпретационных и нормативных процессах. Он не только расширяет функциональные горизонты человеческой деятельности, но и занимает позиции, традиционно связывавшиеся с субъектностью: анализирует, прогнозирует, принимает решения и адаптируется к изменяющейся среде.

Современные алгоритмы машинного обучения, автономные робототехнические комплексы и нейросетевые архитектуры демонстрируют свойства, которые ранее рассматривались как отличительные признаки живых систем: способность к обучению на основе опыта, адаптивность, самооптимизацию, генерацию новых поведенческих конфигураций, реакцию на неопределённость. Эти характеристики не сводятся к механическому вос-

произведению заранее заданных процедур; они предполагают динамическую перестройку внутренних структур в процессе функционирования системы.

В результате искусственный интеллект перестаёт восприниматься исключительно как инструмент. Он приобретает статус феномена онтологического порядка, требующего пересмотра самих категорий бытия. Традиционные оппозиции – «живое и неживое», «естественное и искусственное», «органическое и техническое» – утрачивают прежнюю однозначность. Возникает ситуация концептуальной неопределённости, в которой устоявшиеся философские определения оказываются недостаточными для описания новых форм организации сложности.

Биофилософия, исторически ориентированная на анализ феномена жизни в её биологическом, системном и семиотическом измерениях, сталкивается с необходимостью расширения собственного проблемного поля. Если жизнь понимается как самоорганизующаяся система, поддерживающая структурную целостность в динамическом взаимодействии со средой, то возникает вопрос: в какой мере искусственные системы, обладающие сходными функциональными характеристиками, могут быть включены в расширенный онтологический горизонт живого?

Очевидно, что искусственный интеллект не обладает биохимической основой, метаболизмом и не включён в биологическую эволюцию в строгом смысле. Однако философское понятие жизни не исчерпывается физиологическими параметрами. Во многих концепциях жизнь рассматривается как процесс, как форма организации отношений и как динамическая структура, способная к самообновлению и интерпретации среды.

Именно в этом процессуальном измерении искусственный интеллект приближается к функциональной модели живого. Он функционирует в режиме непрерывной коррекции, обработки информации, адаптации к контексту и интеграции новых данных в существующую архитектуру. Его поведение носит вероятностный и эмерджентный характер и не сводится к линейной механистической причинности.

Тем самым биофилософия оказывается перед новой ситуацией, требующей переосмыс-

ления самого понятия жизни. Когда функциональные характеристики живого частично воспроизводятся технологическими системами, неизбежно возникает вопрос об их онтологическом статусе: являются ли они лишь сложными симуляциями или предвосхищают новые формы существования – постбиологические, гибридные, техносоциальные?

Проблема носит не только теоретический, но и экзистенциальный характер. Интеграция искусственного интеллекта в медицинскую диагностику, биоинженерию, управление инфраструктурой и когнитивные процессы общества делает его участником жизненного мира человека. Он становится элементом биосоциальных систем, влияя на продолжительность и качество жизни, на распределение ресурсов и формирование норм.

Искусственный интеллект, таким образом, выступает не внешним наблюдателем, а фактором трансформации жизненных процессов. Это усиливает напряжение между онтологическим и этическим измерениями проблемы. Если алгоритмические системы участвуют в поддержании и регуляции жизненно значимых процессов, то вопрос об их статусе неизбежно сопрягается с вопросом ответственности.

Кроме того, развитие искусственного интеллекта ставит под сомнение устойчивость антропоцентрической модели философии жизни. Человек перестаёт быть единственным носителем сложной когнитивной организации. Возникает перспектива множественности форм интеллектуальности и, возможно, расширенного понимания форм жизни.

В этих условиях биофилософия должна решить двойную задачу: сохранить различие между биологическим и технологическим, не сводя живое к функциональной имитации, и одновременно признать трансформацию самого поля живого, разработав категориальный аппарат для описания гибридных форм существования, возникающих на стыке органического и искусственного.

Следовательно, перед философией стоит задача формирования новой онтологии жизни – интегративной, а не редуционистской, учитывающей технологическую эмерджентность, распределённую агентность и алгоритмическую рациональность. Такая онтология должна соединить системный анализ, философию

техники, философию сознания и биоэтику в единую концептуальную рамку.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых онтологических и этических вызовов, которые искусственный интеллект предъявляет биофилософии, а также в обозначении концептуальных оснований новой онтологии жизни. Речь идёт не о включении искусственного интеллекта в прежние теоретические схемы, а о пересмотре самих оснований понимания живого в условиях технологической трансформации современности.

I. Искусственный интеллект и границы живого: от субстанции к процессу

Формально искусственный интеллект не обладает классическими биологическими признаками жизни: метаболизмом, клеточной структурой, генетическим воспроизводством, автономной биохимической регуляцией. В рамках традиционной биологической парадигмы именно эти характеристики служили критерием различения живого и неживого. Однако философское понимание жизни никогда не сводилось исключительно к физиологическим или биохимическим параметрам. Уже в XX веке в контексте системного подхода и биофилософии жизнь стала осмысляться как особый режим организации сложности – как динамическая целостность, способная к саморегуляции, воспроизводству структуры и интерпретации среды [6].

Современные концепции трактуют жизнь прежде всего как процессуальную организацию: как форму самоорганизации, поддержания собственной структуры и адаптации к изменяющейся среде. В этой перспективе жизнь предстает не как субстанция, а как непрерывное воспроизводство структурной целостности во взаимодействии с внешним миром. Смещение акцента с субстанциональности на процессуальность имеет принципиальное значение. Если жизнь понимается как способ организации отношений и устойчивое поддержание сложной структуры, то решающим оказывается не материал носителя, а форма и динамика его организации.

Именно в этом процессуальном измерении искусственный интеллект обнаруживает черты, сближающие его с функциональной моделью живого. Алгоритмы глубокого обучения способны к самонастройке внутренних параметров; адаптивные системы обновляют мо-

дели поведения на основе накопленного опыта; эволюционные алгоритмы осуществляют поиск решений в условиях высокой неопределённости. В ряде случаев наблюдается эффект эмерджентности – возникновение свойств, не редуцируемых к сумме исходных инструкций. Поведение системы приобретает характер вероятностной динамики, а не линейной механической причинности.

Эта динамика требует философской интерпретации. Речь не идёт о признании искусственного интеллекта живым в биологическом смысле. Скорее, фиксируется феномен имитационно-эмерджентной организации, в рамках которой искусственная система воспроизводит функциональные свойства живых процессов. Современная технологическая культура характеризуется переходом от репрезентации к симуляции, где различие между подлинным и воспроизводимым постепенно утрачивает очевидность. В этом контексте искусственный интеллект выступает не просто как инструмент, а как элемент новой структуры реальности, в которой имитация приобретает системообразующий характер [3].

При этом искусственный интеллект не обладает автономной телесностью, не переживает мир феноменологически и не поддерживает метаболический цикл. Однако философский вопрос формулируется иначе: является ли биохимическая основа необходимым и достаточным условием жизни как онтологической категории, или же жизнь следует понимать как способ самоорганизации и поддержания структурной целостности независимо от конкретного материального субстрата?

Проблема обостряется в рамках информационной интерпретации живого. Если жизнь рассматривается как система обработки и интерпретации информации, то нейросетевые архитектуры начинают воспроизводить ключевые характеристики когнитивных процессов. Они не только перерабатывают данные, но и формируют внутренние модели, корректируют параметры, строят вероятностные сценарии развития среды. В этом смысле искусственный интеллект оказывается включённым в процессы, которые ранее связывались исключительно с биологической эволюцией.

Отсюда возникает феномен размывания онтологической границы между живым и неживым. Речь не о полном снятии различия, а о его проблематизации. Функциональные свойства, традиционно считавшиеся прерогативой органического, воспроизводятся в искусственных системах. Следовательно, различие должно быть переосмыслено на более глубоком уровне – возможно, через категории внутреннего опыта, телесной укоренённости или автопоэтической самодостаточности.

Особое значение приобретает семиотический аспект проблемы. Понятие жизни исторически связывалось не только с физиологией, но и со способностью к интерпретации и порождению значений. Живое — это система, ориентирующаяся в среде посредством смысловых структур. В этом измерении искусственный интеллект демонстрирует двойственность. С одной стороны, он генерирует тексты, изображения и прогнозы, участвует в формировании информационных потоков и влияет на смысловое поле общества. С другой стороны, остаётся открытым вопрос: сопровождается ли это подлинным смыслообразованием или речь идёт лишь о статистической корреляции знаков без внутренней направленности на смысл.

Алгоритмические системы способны воспроизводить формы коммуникации и рационального поведения, не обладая экзистенциальной перспективой. Тем не менее их включённость в социотехнические практики трансформирует структуру жизненного мира человека. Искусственный интеллект становится посредником в принятии решений, элементом инфраструктуры и участником когнитивных процессов. Он приобретает квази-онтологический статус агента, влияющего на распределение возможностей, рисков и ценностей.

В этой ситуации имитация перестаёт быть поверхностным копированием и превращается в форму организации реальности [3]. Различие между оригиналом и воспроизведением усложняется и требует философского анализа. Биофилософия оказывается перед необходимостью расширить категориальный аппарат: жизнь должна мыслиться не только как биологический феномен, но и как процесс организации и поддержания сложных структур,

включая техносоциальные формы её проявления [6].

Это не означает автоматического признания искусственных систем живыми. Речь идёт о выработке новой онтологической рамки, способной удержать различие, не отрицая факта функционального сближения. Таким образом, вопрос о границах живого в эпоху искусственного интеллекта превращается из сугубо биологической проблемы в проблему философской онтологии. Он требует пересмотра понятий субстанции, процесса, организации и смысла – и именно в этом пересмотре проявляется один из ключевых вызовов, который искусственный интеллект предъявляет современной биофилософии.

II. Техноонтология субъекта: постчеловеческая трансформация идентичности

Развитие искусственного интеллекта трансформирует не только понимание жизни, но и само представление о субъектности. В классической философской традиции субъект мыслится как носитель сознания, самосознания, свободы воли, телесного переживания и моральной ответственности. В условиях технологической эволюции возникает иной феномен – функциональная субъектность, представляющая собой форму организации, воспроизводящую признаки автономного поведения без гарантированного наличия внутреннего феноменального опыта.

Исторически субъектность связывалась с опытом «быть-в-мире», с укоренённостью в телесности и переживании. В феноменологической перспективе субъект не просто действует, но переживает своё действие, осознаёт его и несёт за него ответственность. Он выступает не совокупностью функций, а экзистенциальным центром смыслообразования. Субъектность в этом смысле не редуцируема к поведенческой эффективности; она предполагает внутренний горизонт опыта.

Развитие автономных алгоритмических систем усложняет данную картину. Современные диагностические комплексы, интеллектуальные языковые модели и роботизированные агенты демонстрируют способность принимать решения, учитывать контекст, корректировать поведение и взаимодействовать с человеком в режиме диалога. Их действия нередко воспринимаются как интенциональные и целенаправленные. Возникает принци-

альный вопрос: может ли система, лишённая телесного укоренения и феноменального переживания, быть признана субъектом?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как определяется субъектность. Если она связывается исключительно с наличием внутреннего опыта, то искусственный интеллект остаётся сложной функциональной машиной. Если же субъектность трактуется как способность к автономной регуляции, адаптации и целеполаганию, то граница между биологическим и технологическим носителем перестаёт быть однозначной. В этом контексте подчёркивается, что алгоритмические системы способны воспроизводить формы рационального поведения, не обладая экзистенциальной глубиной субъекта [1].

Феноменологическая традиция настаивает на том, что подлинная субъектность невозможна без телесного переживания мира и опыта собственной конечности. Субъект – это воплощённое бытие, включённое в горизонт времени, ответственности и предельности. Без переживания страдания, риска и свободы не возникает подлинного «Я». С этой позиции искусственный интеллект остаётся внешней структурой, лишённой внутреннего измерения.

Однако функционалистские и системные подходы предлагают иную интерпретацию. Если субъектность понимать как уровень организации процессов, обеспечивающий автономное поведение и способность к самокоррекции, то сложные алгоритмические системы начинают воспроизводить определённые признаки субъектной организации. Их действия возникают не как прямое следствие линейной причинности, а как результат многослойной вероятностной обработки данных и адаптивной перестройки внутренних параметров.

Тем самым субъектность перестаёт восприниматься как субстанциальное свойство и начинает интерпретироваться как структурная характеристика организации. В этой связи целесообразно различать два уровня субъектности:

- 1) экзистенциальную, основанную на внутреннем опыте, телесности и ответственности;
- 2) функциональную, проявляющуюся в автономном поведении, способности к адаптации и целеполаганию.

Искусственный интеллект, по всей вероятности, относится ко второму уровню. Однако именно функциональная субъектность приобретает возрастающее значение в социотехнической реальности. В медицинской диагностике, финансовом прогнозировании или управлении инфраструктурой алгоритмические решения получают нормативный статус и оказывают влияние на жизнь и судьбы людей.

В этом контексте проблема субъектности неизбежно сопрягается с проблемой ответственности. Если искусственные системы участвуют в принятии решений, затрагивающих жизненные процессы, возникает вопрос о распределении ответственности за их последствия. Алгоритм не обладает моральной интенцией, но его решения имеют реальные эффекты. Формируется феномен распределённой субъектности, в рамках которой ответственность рассредоточена между разработчиками, пользователями, институциями и архитектурой системы.

Такое положение указывает на переход от индивидуалистической модели субъекта к сетевой, техносоциальной модели субъектности. Возникает необходимость новой парадигмы – техноонтологии субъекта. В её рамках субъектность рассматривается не как исключительно биологическое качество, а как форма организации процессов в гибридных системах, где человеческое и искусственное взаимосвязаны.

Техноонтология не нивелирует различие между человеком и машиной, но стремится описать их взаимодействие как единое поле распределённой агентности. Решения возникают на стыке алгоритмической обработки и человеческой интерпретации, образуя сложные уровни взаимной обусловленности. Человек остаётся носителем экзистенциального опыта, однако его субъектность всё чаще реализуется в диалоге с алгоритмическими посредниками.

Современная эпоха формирует условия, при которых идентичность конституируется в процессе взаимодействия с цифровыми системами. Память, предпочтения, способы интерпретации информации и даже формы самоописания оказываются опосредованными алгоритмической средой. Постчеловеческая трансформация идентичности не означает ис-

чезновения человека, но свидетельствует об изменении структуры его субъектности. Он перестаёт быть единственным центром рациональности и становится участником сети распределённых интеллектуальных процессов.

В этой ситуации биофилософия сталкивается с необходимостью удержать различие между экзистенциальной глубиной человеческого субъекта и функциональной эффективностью искусственного агента, не сводя одно к другому. Проблема техноонтологии субъекта становится центральной для понимания постбиологической эпохи. Она требует пересмотра категорий автономии, ответственности, идентичности и агентности.

Искусственный интеллект не разрушает субъектность, но радикально усложняет её структуру. Он заставляет переосмыслить её как форму организации в поле взаимосвязанных систем, где человеческое и технологическое образуют новую конфигурацию бытия.

III. Этическое измерение: от алгоритмической логики к технобиоэтике

Наиболее острым и концептуально сложным аспектом включения искусственного интеллекта в поле биофилософии является проблема ответственности. Если в предыдущих разделах речь шла о трансформации понятий жизни и субъектности, то здесь фокус смещается к нормативному измерению: к вопросу о том, как оценивать действия автономных систем и кто несёт ответственность за их последствия.

Современные алгоритмические системы всё чаще функционируют в зонах, непосредственно связанных с жизнью и благополучием человека. Искусственный интеллект применяется в медицинской диагностике, при выборе терапевтических стратегий, в системах автономного транспорта, в распределении социальных ресурсов и управлении инфраструктурой. В этих контекстах решения алгоритма оказывают реальное воздействие на продолжительность жизни, качество лечения, безопасность и социальную справедливость.

Тем самым искусственный интеллект перестаёт быть нейтральным инструментом. Он входит в пространство биоэтической регуляции.

Возникают вопросы, не имеющие однозначных ответов:

1. Может ли алгоритм быть носителем моральной ответственности?

2. Кто отвечает за ошибку автономной системы – разработчик, оператор, институция или пользователь?

3. Допустимо ли внедрение встроенных моральных алгоритмов, имитирующих этическое рассуждение?

Эти вопросы выводят нас за пределы классической биоэтики. Традиционная биоэтическая модель строится вокруг автономного человеческого субъекта, обладающего сознанием, волей и способностью к моральной рефлексии. Ответственность здесь персонализирована и связана с намерением.

Однако в условиях техносоциальных систем мы сталкиваемся с феноменом распределённой агентности. Алгоритм действует автономно, но не обладает намерением в экзистенциальном смысле. Его поведение является результатом статистической обработки данных и архитектурных решений, принятых ранее. Ответственность оказывается распределённой между множеством акторов: программистами, разработчиками, поставщиками данных, институциями и пользователями.

В этом контексте особое значение приобретает концепция ответственности как предвосхищения последствий. Ханс Йонас подчёркивал, что в эпоху технологической цивилизации ответственность должна быть направлена не только на актуальные действия, но и на их возможные будущие эффекты [5]. Если следовать этой логике, то ответственность за действия искусственного интеллекта не может быть устранена ссылкой на автономность системы. Напротив, чем выше степень технологической мощности, тем выше требование к ответственности человека.

Проблема усложняется в ситуации самообучающихся алгоритмов. Когда система обучается на больших массивах данных и формирует внутренние модели, которые не полностью прозрачны для разработчика, возникает так называемый «разрыв ответственности». Решение принимается системой, логика которой не всегда поддаётся прямой реконструкции.

Именно здесь проблема непрозрачности становится не только технической, но и этической категорией. Если невозможно объяснить, на основании каких внутренних корре-

ляций была принята рекомендация, затрудняется моральная оценка действия. Оценка предполагает понимание оснований решения, а в условиях алгоритмической сложности это понимание часто оказывается опосредованным.

Принцип объяснимости приобретает статус морального требования. Без возможности реконструировать логику решения невозможно говорить о справедливости, подотчётности и праве на защиту. Особенно это актуально в медицинской и социальной сфере, где алгоритмические рекомендации могут влиять на судьбы людей.

Возможность внедрения «моральных алгоритмов» также остаётся дискуссионной. Формализация этических норм в виде правил или оптимизационных критериев сталкивается с тем, что моральное решение в человеческом опыте не сводится к вычислению максимальной пользы или следованию абстрактной норме. Оно связано с контекстом, переживанием и ответственностью перед другим.

Таким образом, проблема «этики алгоритмов» оказывается не столько проблемой машинной автономии, сколько проблемой коллективного нормативного выбора.

В этом контексте становится очевидной необходимость формирования технобиоэтики – дисциплины, интегрирующей философию, инженерное проектирование, право и социальную теорию. Технобиоэтика должна учитывать несколько ключевых принципов:

1. Принцип приоритета человеческого достоинства и жизни.
2. Принцип прозрачности и объяснимости алгоритмических решений.
3. Принцип распределённой, но не утраченной ответственности.
4. Принцип превентивной оценки рисков.

Особое значение приобретает превентивное измерение ответственности. В условиях высокой технологической мощности последствия могут быть масштабными и необратимыми. Йонас указывал на необходимость ответственности перед будущим как фундаментального принципа технологической эпохи [5].

Таким образом, этическое измерение искусственного интеллекта затрагивает саму структуру моральной философии. Мы сталкиваемся с переходом от персонализированной

ответственности к сетевой, от локального действия к системному воздействию, от прозрачной причинности к вероятностной эмерджентности.

Биофилософия в этой ситуации должна соединить анализ живого как ценности с анализом технологических систем как факторов, воздействующих на эту ценность. Искусственный интеллект не может быть этически нейтральным: его архитектура всегда уже предполагает определённое распределение рисков и выгод.

Ключевой вопрос состоит не в том, может ли алгоритм быть моральным субъектом, а в том, как организовать социотехническую систему таким образом, чтобы сохранение жизни, достоинства и справедливости оставалось приоритетом.

В этом заключается главный вызов: искусственный интеллект требует не только новой онтологии жизни и новой концепции субъектности, но и новой этической парадигмы – парадигмы ответственности в условиях алгоритмической рациональности.

Заключение

Искусственный интеллект радикально трансформирует поле биофилософии, затрагивая не частные аспекты философского анализа, а его фундаментальные основания. Речь идёт не о корректировке отдельных категорий, а о пересмотре самой структуры онтологического мышления. Искусственный интеллект проблематизирует традиционные бинарные оппозиции – живое и неживое, естественное и искусственное, субъект и инструмент, – выявляя их историческую условность и ограниченность.

Однако размывание границ не означает их полного исчезновения. Напротив, современная ситуация требует более тонкого различения. Жизнь уже не может мыслиться исключительно как биохимическая субстанция; она всё более осознаётся как форма поддержания сложности, как процесс организации и воспроизводства структур в динамической среде. В этом контексте искусственные системы, воспроизводящие функциональные характеристики адаптивности и самоорганизации, становятся философски значимым феноменом, требующим включения в расширенный онтологический горизонт анализа.

Одновременно искусственный интеллект трансформирует понимание субъектности. Человеческий субъект больше не является единственным центром рациональности и принятия решений. Возникает пространство распределённой агентности, в котором человеческое и алгоритмическое взаимодействуют, образуя гибридные формы организации. Тем самым философия сталкивается с необходимостью различать экзистенциальную глубину человеческого опыта и функциональную эффективность технологических систем, не сводя одно к другому.

Особое значение приобретает этическое измерение этой трансформации. Чем выше степень технологической мощности, тем выше требование к ответственности. Искусственный интеллект не является автономным моральным субъектом, однако его включённость в жизненно значимые сферы делает человека ответственным не только за непосредственные действия, но и за проектирование, внедрение и долгосрочные последствия технологических решений. Таким образом, формируется новая парадигма ответственности –

ответственности в условиях алгоритмической рациональности и системной сложности.

Будущее биофилософии, по-видимому, связано с переходом от жёсткого антропоцентризма к философии множественных форм организации жизни. Это не означает утраты уникальности человеческого опыта, но предполагает признание того, что человеческая субъектность развивается в диалоге с технологическими посредниками. Человек остаётся носителем экзистенциальной глубины и моральной ответственности, однако его бытие всё чаще реализуется в сетевом, техносциальном контексте.

Искусственный интеллект не отменяет философию жизни – он расширяет её горизонты. Он требует новой онтологии, способной удержать различие и взаимосвязь биологического и технологического, и новой этики, ориентированной на предвидение последствий и сохранение человеческого достоинства в условиях растущей технологической мощности. Именно в этом направлении и должна развиваться современная биофилософия.

Библиографический список

1. Бекбоев А.А. Адам и Искусственный интеллект (в двух разделах). – Алматы: Дарын, 2024. – 350 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cslnaskr.krena.kg/collections/ru/view/9995/>.
2. Бекбоев А.А., Имашова А.А., Касымов С.К. Искусственный интеллект как «чёрный ящик» разума (историко-философский и эпистемологический подход) // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. – 2025. – № 4. – С. 158-165.
3. Бекбоев А.А., Исаков К.А. Имитация как диагноз эпохи: от симулякра к социальной энтропии // Вестник Ошского государственного университета. – 2025. – № 1 (5). – С. 31-40. – DOI: 10.52754/16948823_2025_1(5)_5.
4. Горохов В.Г. Место и роль философии техники в современной философии и её органическая связь с философией науки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps16/7.pdf>.
5. Йонас Г. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с. – ISBN 5-8112-0625-9.
6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
7. Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта. 2-е изд. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025.
8. Ястреб Н.А. Основания критического подхода к решению этических проблем искусственного интеллекта // Философия науки и техники. – 2025. – Т. 30. – № 2. – С. 90-103. – DOI: 10.21146/2413-9084-2025-30-2-90-103.

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BIOPHILOSOPHY:
CHALLENGES OF A NEW ONTOLOGY OF LIFE**

A.A. Bekboev¹, *Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sector*

A.T. Zhailoobaeva², *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director*

¹**Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altymyshbaev of the National Academy of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic**

²**Center for Testing and Development of Clinical Skills of the I.K. Akhunbaev Kyrgyz State Medical Academy**

^{1,2}**(Kyrgyzstan, Bishkek)**

Abstract. *The article examines the ontological and ethical challenges that artificial intelligence poses to contemporary biophilosophy. It argues that the development of autonomous algorithmic systems transforms traditional conceptions of life, subjectivity, and responsibility. The analysis highlights the erosion of classical oppositions such as “living/non-living”, “natural/artificial”, and “human/machine” in the context of technological emergence. The paper substantiates the need to move from a substantial understanding of life to a process-oriented and organizational model, within which artificial systems demonstrate functional properties previously attributed exclusively to biological organisms. The concept of techno-ontology of the subject is explored, including the distinction between existential and functional subjectivity. Particular attention is given to the ethical dimension of algorithmic decision-making, the principle of responsibility, and the problem of opacity (“black box” systems). The article concludes that a new interdisciplinary field – technobioethics – is emerging, aimed at integrating philosophical, technological, and normative perspectives on human – AI interaction. The future of biophilosophy is defined as a philosophy of coexistence capable of incorporating biological, hybrid, and technological forms of life organization.*

Keywords: *artificial intelligence; biophilosophy; ontology of life; techno-ontology of the subject; functional subjectivity; posthuman identity; algorithmic rationality; responsibility; technobioethics; algorithmic opacity; emergence; hybrid forms of life.*